

Хори Тацуо

[175]

ИЛ 4/2021

Соломенная шляпка

Перевод с японского и вступление ЕКАТЕРИНЫ ЮДИНОЙ

Хори Тацуо (1904—1953) — японский прозаик, поэт и переводчик, широко известный не только в Японии, но и за ее пределами. В то же время русский читатель с его произведениями практически не знаком.

Стиль прозы Хори Тацуо высоко оценивал Кавабата Ясунари. Сам же Хори считал себя учеником и последователем другого не менее известного японского писателя тех лет — Акутагавы Рюноскэ. Их первая встреча состоялась в 1923 году, когда Хори было всего девятнадцать, и во многом повлияла не только на творческий, но и жизненный путь молодого человека.

Хори Тацуо — представитель “литературы эпохи Сёва”: его главные произведения были созданы в период между 1925 и 1946 годами. В те годы литературную жизнь Японии отличало многообразие творческих направлений. “Открытие” страны и последовавшие за этим изменения, коснувшиеся всех сфер жизни японского общества, необходимость ответа на “вызов” западной цивилизации и переосмысление в связи с этим собственной традиции порождали ситуацию постоянного философского поиска. Это в полной мере относится и к творчеству Хори Тацуо, хотя в его случае подобный контекст, как можно предположить, усугублялся обстоятельствами

жизни писателя: гибель матери во время Великого токийского землетрясения, тяжелая болезнь легких, безвременная кончина невесты...

В начале 30-х годов Хори Тацуо примкнул к модернистскому объединению “Школа нового искусства” — *Синко гэйдзюцу ха*, провозгласившему своим идеалом “чистое искусство” и абсолютную аполитичность. Подобно прочим участникам “Школы”, писатель уделял внимание совершенствованию формы, экспериментировал с языком: использовал в своих текстах западные заимствования, целенаправленно менял чтение иероглифов, придавал новые значения исконно японским словам. Однако апологетом идеи “искусства ради искусства” он не стал. Эстетизм его произведений нередко служит лишь идеально подогнанной оправой, способом задать читателю весьма непростые вопросы, не произнося их вслух. Можно сказать, что подобная манера в принципе свойственна японской традиции, однако в работах Хори Тацуо она обретает новое значение, дополняя и, кажется, подменяя собой некоторые установки и приемы японского модернизма начала 30-х годов.

Жизненный опыт предопределил особое внимание писателя к темам смерти и конечности человеческого существования, посредством которых его герои по-новому осознают смысл и ценность жизни. В то же время есть среди произведений Хори вещи, в которых лейтмотив смерти кажется не столь явным или же вовсе не заметным — настолько они переполнены любовью к окружающему миру. Одно из таких произведений — рассказ “Соломенная шляпка”, впервые опубликованный в 1932 году. Считается, что для писателя он во многом является автобиографическим.

Проза бывает “кинематографичной”, образы — зримыми. Но в данном случае мы можем спокойно закрыть глаза, чтобы не отвлекаться на постороннее: этот текст словно сплетен из солнечного света, который все равно пробьется сквозь веки, витающих в воздухе легких ароматов и — ритма. Ритмический рисунок здесь пока не такой сложный и четкий, как в более поздних вещах автора (так, например, композиционным прообразом одной из повестей Хори Тацуо становятся фуги И. С. Баха), но очень естественный. Повествование бежит от одного воспоминания к другому, словно перекатывается с горки на горку, а еще вернее — скользит с волны на волну. Казалось бы, мы слышим лишь один голос — голос автора, но и он двоится. Вот с нами короткими обрывистыми фразами говорит юноша, почти еще мальчишка: все скачет вокруг, мелькает, отвечает — не угнаться; а вот его голос на середине фразы вдруг меняется: поток воспоминаний становится таким бурным, что сметает годы, разделяющие автора и его героя, и слышится уже совсем иная речь.

Все в этом рассказе балансирует на грани, между догадками юности и загадками памяти более зрелых лет: было ли на самом деле, не было — этого, похоже, не знают или не хотят знать ни герой, ни автор. Но ощущения — яркие, красочные — свидетельствуют: было. И разливаются вокруг запахи сосновой смолы, нагретой за день земли и поджаристой хлебной корки, которые не спешат таять даже после того, как история уже рассказана.